

УДК 81.161.1'373:81-13
DOI 10.17223/18137083/53/17

С. А. Смирнова

*Гуманитарный институт
филиал Северного (Арктического) федерального университета
им. М. В. Ломоносова
Северодвинск*

Лингвистический аспект изучения агиографических текстов

Рассматривается святость как семантическое пространство и как феномен русской культуры. Источником материала выступают агиографические тексты XI–XVII вв., посвященные описанию жизненного и духовного пути русских святых преподобных. Интерпретация материала осуществляется на основе методики ситуативной и фреймовой семантики А. А. Камаловой. На уровне поверхностно-синтаксического и поверхностно-семантического фреймов устанавливается ядро анализируемого пространства, которое соответствует двум моделям. В первой модели атрибут *святой* характеризует имена существительные, именующие Бога, Богородицу, ангелов, святых Божиих, церковные обряды, книги, религиозные праздники и др. Во второй модели *святой* замещает позицию субъекта и называет святых Божиих, глаголы же выражают значение ритуального действия, речи, перцептивного восприятия и др. На уровне тематического фрейма характеризуется периферия семантического пространства: определяются сценарные связи, характерные для житий преподобных, а именно: «святой – благочестивые родители», «святой – духовный подвиг», «святой – испытания» и т. п. На уровне повествовательного фрейма выстраивается сценарий духовного пути святого.

Ключевые слова: слово, святой, святость, жития преподобных, фрейм, методика.

В XXI в. агиографические произведения вновь становятся объектом научного изыскания русистов, о чем свидетельствуют диссертационные сочинения И. А. Абрамовой [2004], Т. М. Батуриной [2010], Т. О. Пономаренко [2009], В. А. Тупикова [2011] и др. Языковеды рассматривают особенности поэтики, структурно-семантическую и грамматическую организацию святожизнеописаний разных типов и временной хронологии, применяя такие методы анализа, как синхронно-диахронический, описательный, компонентный, контекстуальный и др.

Смирнова Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (ул. Карла Маркса, 36, Северодвинск, 164500, Россия; saa29@mail.ru)

ISSN 1813-7083 Сибирский филологический журнал. 2015. № 4
© С. А. Смирнова, 2015

В предлагаемой статье житийные тексты XI–XVII вв., посвященные святым преподобным, выступают в качестве источника материала. Задача исследования – установить типовые знания о феномене «святость», закрепленные в языке и в агиографических памятниках. Обозначенная задача относится к области когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как способ материального воплощения мысли и как онтологический принцип осмысления бытия. В современных научных работах при изучении языковых фактов и явлений с когнитивных позиций используется логический и семантико-когнитивный анализ, лингвокогнитивное моделирование, приемы ситуативной семантики и др. Указанные методы при анализе житий святых, насколько нам известно, не применяются, однако для решения поставленной в статье задачи считаем возможным обратиться, во-первых, к концептуальному анализу, определяя его цель как выявление «языкового знания» о каком-либо фрагменте мира, во-вторых, к методике анализа фреймов, апробированной при описании предикатов со значением ‘болезнь’, ‘здоровье’, ‘осадки’, ‘состояние вещей, характеризующихся степенью тепла’, концепта «ум» [Камалова, 1998], концепта «дитя» [Ашхарова, 2002] и др. Согласно методике А. А. Камаловой, при описании языкового материала используются понятия «фрейм», «ситуация», «сцена» и «сценарий», которые в когнитивной лингвистике употребляются для изучения и представления языковых знаний. В данном исследовании указанные термины соответствуют пониманию, которое закрепилось за ними в отечественном языкознании (см., например, работы Е. С. Кубряковой и др. [1996], В. Я. Шабеса [1996] и др.). Основу анализа, по мнению А. А. Камаловой, составляют четыре исследовательских шага, позволяющие ответить на четыре вопроса: «О чем мы говорим?», «Что мы об этом знаем?», «Что мы об этом говорим?» и «Как мы об этом говорим?» – и моделировать четыре фрейма: поверхностно-синтаксический, поверхностно-семантический, тематический и повествовательный. Далее представим результаты описания каждого фрейма.

На уровне поверхностно-синтаксического фрейма выявляются типовые ситуации, связанные с лексемой *святой*. В данном случае под типовыми ситуациями понимаются отрезки, фрагменты объективной действительности, проявленные в разных свойствах предметов мира [Камалова, 1998, с. 54]. Изучение этих ситуаций позволяет утверждать, что в агиографических текстах XI–XVII вв. эта единица функционирует в качестве атрибута и субъекта, т. е. реализуется в двух моделях. Первая модель представляет свернутую ситуацию и на структурном уровне соотносится с именным словосочетанием «субъект (имя сущ.) + предикат (имя прил. *святой*)»: **СВЯТОЙ ДУХЪ, СВЯТАЯ ЛИТУРГИЯ / ДУША / ЦЕРКОВЬ, СВЯТОЕ ПИСАНИЕ / МѢСТО** и под. Вторая модель характеризует высказывания, где *святой* является именем существительным и выполняет функцию подлежащего, т. е. соотносится с субъектно-предикатной структурой предложения «субъект (имя сущ. *святой*) + предикат (гл.)»: **СВЯТЫЙ ГЛАГОЛА / МОЛЯЩЕ / ПРИЧАСТИТСЯ / ПРЕКЛОНИСЯ** и под.

На уровне поверхностно-семантического фрейма выявленные модели «наполняются» содержанием. «Данный фрейм осуществляет “приближение” к действительности, выполняет функцию референции» [Там же, с. 127]; при этом устанавливаются дополнительные смыслы, уточняющие ситуации, обогащающие детали сцену – «конкретный фрагмент отражаемого движущегося мира, ограниченный рамками объема внимания» [Шабес, 1989, с. 14].

В первой модели лексема *святой* занимает позицию предиката, в связи с этим важно выявить, кого или что определяет имя прилагательное *святой*. Поскольку данное имя соотносится с религиозно-церковной сферой, считаем возможным осуществлять описание материала с опорой на знание о православном мироустройстве. Согласно идеям С. Н. Булгакова [2001], П. А. Флоренского [2001] и других русских религиозных мыслителей, православная Церковь представляет

собой Церковь торжествующую, небесную и Церковь воинствующую, земную. Торжествующую Церковь, не видимую человеком, составляют высшие духовные существа: Богородица, чины бесплотных, святые Божии (пророки, апостолы, святители, мученики, исповедники, преподобные, Христа ради юродивые). Воинствующая Церковь – это «видимый общественный орган», открытый только верующему человеку. По мысли А. С. Хомякова, «Церковь же видимая не есть видимое общество христиан, но Дух Божий и благодать таинств, живущих в обществе. Посему и видимая церковь видима только верующему, ибо для неверующего таинство есть только обряд, и Церковь только общество» (цит. по: [Сабилов, 2004, с. 83]). Она состоит из священнослужителей и мирян. Полагаем, что приведенная модель православного мироустройства позволяет установить основания для классификации имен существительных, сочетающихся со словом *святой*, и описать их лексико-семантические группы (далее ЛСГ). Рассмотрим их.

I. ЛСГ «Всевышний». В контекстах прилагательное *святой* является компонентом нерасчлененных понятий **СВЯТЫЙ БОГЪ, СВЯТЫЙ ОТЧЕ, СВЯТЫЙ ДУХЪ, СВЯТАЯ ТРОИЦА, ТРИСВЯТОЕ ИМЯ**. В святожизнеописаниях, как видно из примеров, имя *святой* характеризует Бога, понимаемого как триипостасная сущность; при этом *святой* активно употребляется в «символических формах» (термин В. В. Колесова [2000]), характеризующих воплощение божества. Отметим, что «символические формы» составляют половину употреблений данного слова в номинациях Всевышнего, например: **ЯКО ТОМУ СЛАВА И ЧЕСТЬ, И ДРЪЖАВА, И ПОКЛАНАНИЕ ОТЦУ И СЫНУ И СВЯТОМУ ДУХУ** (Житие Авраамия Смоленского, с. 104). В анализируемых текстах широкое распространение получают речевые формулы, связанные с обозначением Святого Духа. Единичные по употреблению сочетания **СВЯТЫЙ БОГЪ** и **СВЯТЫЙ ОТЧЕ** являются формой обращения к Богу-Отцу, например: **ПОСЛУШАНИЯ РАДИ ХРИСТОВА И ТВОЕГО РАДИ ПОВЕЛѢНІЯ И СВЯТАГО РАДИ ТВОЕГО БЛАГОСЛОВЕНІЯ, ОТЧЕ СВЯТЫЙ, И ПРОШЕНІЯ РАДИ РАБА ТОВО ХРИСТОВА НЕ ОТРЕКЪСЯ СКАЗАТИ ВАМ О ХРИСТѢ ИСУСѢ...** (Житие Епифания, 1989, с. 310). Думается, что выявленную особенность можно объяснить, с одной стороны, тем, что Всевышний не является главным «персонажем» житий, с другой – тем, что в церковной литературе для обозначения Бога существовало значительное количество номинаций. Первая группа имен представляет Бога-Отца как **ОТЧЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА** и как Бога-Пантократора, власть которого воспринималась как власть сакральная (**ЦАРЬ НЕБЕСНЫЙ / ВСЕДРЪЖИТЕЛЬ / ЦАРЬ ЦАРЯМЪ / ТВОРЕЦЪ / ВЛАДЫКА** и под.). Вторая группа имен характеризует Бога-Сына, который предстает в образах Сына (**СЫН БОГА ЖИВОГО**), Христа-заступника (**ЗАСТУПНИКЪ МИ**), Христа-судьи (**БОЖЕ ПРАВЕДНЫЙ, ПРАВЕДНЫЙ СУДИА**), Христа-спасителя (**БОГЪ ИЗБАВИТЕЛЬ И СПАСЪ ВСЕГО МИРА**), Христа, несущего людям любовь, милость (**ПРЕБЛАГІЙ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВЫЙ БОГЪ НАШЪ, ГОСПОДИ БОЖЕ МНОГОМИЛОСТИВЫЙ И ПРЕМИЛОСТИВЫЙ, БЛАГЫМЪ ПОДАТЕЛЬ**), и др.

II. Торжествующая Церковь.

1. ЛСГ «Богородица». Г. П. Федотов утверждает, что в России слово *Богородица* «преисполнено большой эмоциональной силы» и «затрагивает сущность русской религии: Божественное материнство». Именно поэтому «Русь делала ударение не на первом, а на втором корне этого сложного слова: не “theo”, а “tokos”, “родица”, родительница, мать. Русская Мария – это не только Матерь Божия или Матерь Христова, это вселенская Мати, Мать всего человечества. Конечно, прежде всего она является матерью в нравственном смысле» [Федотов, 2001, с. 323–324]. Агиографы характеризуют Марию как владычицу (**ПРЕСВЯТАЯ ВЛАДЫЧИЦА БОГОРОДИЦА**), как Деву (**РОДИСЯ ОТЪ СВЯТЫЯ И ПРЕЧИСТЫЯ**

и **НЕИСКУСОБРАЧНЫЯ ПРИСНОДѢВЫЯ МАРИА**), совмещают различные «образы» Марии (**ПРЕСВЯТАЯ ГОСПОЖА ДѢВА ВЛАДЫЧИЦА БОГОРОДИЦА**) и под. Такое представление русского человека о Богородице сложилось под влиянием языческой и христианской традиций. В ряде исследований отмечается, что Богородица заменила собой культ праматери земли и богинь рождения Макоши, Лады, Лели и др. [Климова, 2004; Федотов, 2001].

2. ЛСГ «чины бесплотных»: **АНГЕЛ, СВЯТЫЕ СИЛЫ / ЖИТЕЛИ**.

3. ЛСГ «святые Божии» является самой многочисленной и включает именованная духовно и нравственно чистых, непорочных – тех, кто прославился своим благочестием, милостью и заботой об укреплении христианской веры и уподобился Иисусу Христу «в смерти» и «в жизни». Это апостолы (**СВЯТОЙ И ВЕРХОВНЫЙ АПОСТОЛ ПЕТРЪ**), пророки (**СВЯТЫЙ ЖЕ ВЕЛИКИЙ ИОАН ПРОРОКЪ ПРЕДТЕЧА / ИАНА ФЕЗВИТЯНИНЪ**), святители (**НАЧАЛНЫЯ СВАТИТЕЛЯ ВАСИЛИА ВЕЛИКАГО, БОГОСЛОВА ГРИГОРИА И ЗЛАТАУСТАГО ИОАННА**), мученики (**СВЯТАГО МУЧЕНИКА ДИМИТРИЯ**), Отцы церкви (**СВЯТЫЙ ЖЕ ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦЪ НАШЪ СИМЕОНЪ СТАЛПНИКЪ / ФОРЪМЪ СИРИНЪ**) и др. В анализируемых памятниках отмечается значительное количество сочетаний с существительными **ОТЦЪ** и **СТАРЕЦ**. В данном случае речь идет как о святых преподобных, которым посвящаются агиографические тексты, так и о канонизированных церковью святых, к которым в этих текстах обращаются преподобные за помощью. В работах религиозных мыслителей святые отцы включаются в состав Торжествующей Церкви, так как они получили церковное удостоверение в причастности к Богу.

III. Воинствующая Церковь.

1. ЛСГ «священнослужители»: **ЕПИСКОПЪ, ВЛАДЫКО, НАЧАЛНИКЪ**.

2. ЛСГ «паства». Свет святости падает на сподвижников святого человека, посвятивших себя, как и он, служению Богу, и на его учеников, подражающих подвигу учителя, поэтому в житиях мы встречаем **БРАТСТВО, БРАТИЯ, СТАДО**.

3. ЛСГ «церковные строения, их части»: **ЦЪРКВЬ, ОБИТЕЛЬ, МОНАСТЫРЬ, ЖИЛИЩЕ, ДОМЪ, МѢСТО, ЖРЪТВЕНИКЪ, ОЛТАРЬ** и др.

4. ЛСГ «церковные обряды, таинства, ритуальные действия»: **ПОСТЪ, КРЫЩЕНИЕ, БЛАГОСЛОВЕНИЕ, ПРИЧАЩЕНИЕ, ЛИТУРГИЯ, МОЛИТВА** и под.

5. ЛСГ «предметы церковного обряда»: **МАСЛО, КРЕСТЪ, ПОТИРЬ, ВОДА, СВАТЫИ ТАЙНЫ**.

6. ЛСГ «церковные песнопения, молитвенные возгласы»: **ПѢСНЬ СВАТАА СВАТЫМ, СВАТЬ**.

7. ЛСГ «Церковные книги»: **ПИСАНИЕ, ЕВАНГЕЛИЕ, ЖИТИА, КНИГА**.

8. ЛСГ «религиозные праздники»: **БОГОЯВЛЕНИЕ, УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦА, ДЕНЬ СВАТАГО ДМИТРИЯ, СВАТАЯ НЕДѢЛЯ**.

9. ЛСГ «места присутствия Бога»: **ИЕРУСАЛИМЪ, ГОРА, НЕБЕСА** и др.

10. ЛСГ «материальный (внешний) состав святого»: **СЪРДЦЕ, ТѢЛО, МОЩИ, КРЪВЬ, УСТА**. В текстах святой предстает как идеализированный образ-персонаж и как реальный, «земной» человек. Душой стремясь к Богу, телесно он пребывает в этом грешном мире, где умерщвляет свою плоть, борется со страстями. Телесность обоживается, становится формой воплощения божественной энергии, святой, как и сам ранее «земной» человек.

11. ЛСГ «дух, душа». В святоотеческой литературе человек мыслится как триединство плоти, души и духа. Дух и душа, соотносящиеся с небесным, горним миром, противопоставляются телу, земному, греховному началу в человеке; душа связывает человека с Богом, поскольку при рождении Бог вдыхает душу в человека, а, умирая, человек **ПРЕДАВЪ БЛАЖЕННЮЮ И СВАТЮЮ СВОЮ ДУШЮ ГОСПОДЕВИ** (Житие Авраамия Смоленского, с. 96). Эта связь выражается и в наделении

человека даром, например, **И тако по святом причащении или в самом том причащении вниде в оны и вселися благодать и даръ святого дѹха** (Житие Сергия Радонежского, с. 300).

Во второй модели – в предикативных сочетаниях «субъект (имя сущ. *святой*) + предикат (гл.)» – слово *святой* употребляется по отношению к святителям, мученикам, преподобным, Христа ради юродивым. Для обозначения «земных» людей, совершающих духовный подвиг, агиографы используют различные номинации, среди которых частотными являются субстантивированные прилагательные **БЛАЖЕННЫЙ**, **ПРЕПОДОБНЫЙ** и **СВЯТОЙ**. Предикаты дают возможность представить святого во всех проявлениях его личности. Наш материал показывает, что типовой сочетаемостью с лексемой *святой* обладают глаголы ритуального действия – **МОЛИТСЯ** (кому? как?), **БЛАГОСЛОВЛЯЕТ** (кого?), **ПОКРОПИ** (кого?), **ПРЕКЛОНИСЯ** (кому?), **ПРИЧАСТИТСЯ** (чего?) и др.; глаголы речи – **ГЛАГОЛАШЕ** (что?), **ОТВѢША** (кому?), **РѢКЪ** (кому? что?) и др.; глаголы перцептивного восприятия – **УСЛЫША** (что? от кого?), **ВИДИТ** (что?), **УЗРѢ** (что?) и др.; глаголы пространственной локализации – **ИЗЫДЕ** (откуда?), **ПОИДЕ** (на чем?), **ПРИИДЕ** (куда?) и др.; глаголы межличностных отношений – **ВДАСТЬ** (что? кому?), **ДАРУЕТЪ** (что?), **ПРЕСЛУША** (кого?); глаголы психического состояния – **ДИВЛЯШЕЯ** (чему?), **ОСКОРБИЯ** (о чем?), **РАДУЯЯ** (чему?), глаголы волеизъявления – **ПОВѢЛѢВАЕТ** (кому?), **ЗАПРѢТИ** (кому?). В житиях не употребляются глаголы физиологического состояния, следовательно, в образе святого превалируют внутренние характеристики. При этом большинство управляемых компонентов (**КРЕСТЬ**, **МОЛИТВА**, **КЕЛИА**, **ВЛАДЫКО** и под.) ситуативно соотносятся с духовной жизнью святого.

Тематический фрейм включает разнообразные события (сцены), объединяемые общей темой «святой». В агиографических памятниках отношения между различными сценами представлены ближайшими и дальними ассоциативными связями. Эти отношения (сценарные связи) помогают установить, что конкретно говорится о святом преподобном, которому посвящается житие, т. е. позволяют обнаружить атрибуты святости. Отметим, что определение атрибутов святости осуществляется по следующему плану: (1) устанавливаются наиболее частотные прототипические сценарные связи, например, «святой – благочестивые родители», «святой – испытания» и под.; (2) приводится иллюстративный материал из святописаний, дается его комментарий; (3) указываются атрибуты святости, которые обозначаются словами древнерусского и современного русского языка, так как важно установить не сами слова, а знания о святом, нашедшие отражение в житиях. Например, *святой – храбрость, премудрость/разум, доброта, чистота сердца, любовь к ближним* и под.

В статье в качестве базовых текстов избираются жития, посвященные Феодосию Печерскому, Авраамии Смоленскому и Сергию Радонежскому, которые в основном соответствуют агиографическому канону и объединяются временем создания (XI–XV вв.). Данный временной промежуток, по мнению Г. К. Вагнера [1987], В. В. Кускова [1998] и др., очень важен для становления и развития жанра агиографии. Остальные жития преподобных привлекаются для дополнения полученных результатов. Далее подробно представим некоторые итоги анализа.

1. **Святой – благочестивые родители.** В житиях утверждается, что святой человек – это тот, кто рожден верующими, благочестивыми родителями: **БѢ БО СЕЙ БЛАЖЕНЪ АБРААМЕЙ ОТЪ ВЪРНУ РОДИТЕЛЮ РОЖДЕЯ, БѢСТА И ТА ВЪ ЗАКОНѢ ГОСПОДНИ ДОБРѢ ЖИВУЩА БЛАГОЧЕСТНО. БѢ ЖЕ ОТЕЦЪ ЕГО ВСѢМИ ЧТИМЪ И ЛЮБИМЪ... МИЛОСТИВЪ И ТИХЪ КЪ ВСѢМЪ, КЪ МОЛИТВѢ И КО ЦЕРК-**

ВАМЪ ПРИЛЕЖА. ТАКО ЖЕ И МАТИ ЕГО ВСѢМЪ БЛАГОЧЕСТИЕМЪ УКРАШЕНА (Житие Авраамия Смоленского, с. 68).

Святой – родители (верные, праведные), отец, мать.

2. **Святой – отмеченность Богом.** БѢ БО БЛАЖЕННЫЙ ХИТРЪ ПОЧИТАТИ, ДАСТЬ БО СЯ СМ҄У БЛАГОДАТЬ БОЖИА НЕ ТОКМО ПОЧИТАТИ, НО ПРОТОЛКОВАТИ, ЯЖЕ МНОЗѢМЪ НАСВѢДУЩИМЪ И ОТЪ НЕГО СКАЗАНАЯ ВСѢМЪ РАЗУМѢТИ И СЛЫШАЩИМЪ (Там же, с. 76).

Святой – Бог, Святой Дух, Божья благодать.

3. **Святой – внешний облик.** Агиографы неоднократно упоминают о телесной силе и крепости святых: **И НОНЕ ЖЕ МЛАДУ СМ҄У С҄Щ҄У И КРѢПК҄У ПЛОТИЮ, – БЯШЕ БО СИЛЕНЪ БЫВ ТѢЛОМ, МНОГЫЙ ЗА ДВА ЧЕЛОВЕКА** (Житие Сергия Радонежского, с. 318). Однако в другом тексте дается иной аскетический облик: **ОБРАЗЪ ЖЕ БЛАЖЕНАГО И ТѢЛО УДРУЧЕНО БЯШЕ, И КОСТИ ЕГО, И СЪСТАВИ ЯКО МОЩИ ИЩЕСТИ, И СВѢТЛОСТЬ ЛИЦА ЕГО БЛѢДЪ ИМУЩЕ ОТЪ ВЕЛИКАГО ТРУДА И ВЪЗДЕРЖАНИЯ, И БДѢНІЯ** (Житие Авраамия Смоленского, с. 78). Особое внимание уделяется мощам святого: **И ЕГДА ЗДѢЛАША ЦЕРКОВЬ, ПОЛАГАЮТ СЯТАГО ВЪ ПРИТВОРѢ НА ПРАВОЙ СТРАНѢ, ВХОДЯ ВЪ ЦЕРКОВЬ. МНОГА ЖЕ ЧУДЕСА ТОГДА БЫША ОТ СЯТАГО ТѢЛЕСИ** (Житие Исаяи, с. 260).

Святой – тело, плоть, лицо; сильный, крепкий, веселый или дряхлый, удрученный, бледный.

4. **Святой – духовный подвиг.** В житиях утверждается кенотическая идея «следование Христу в жизни», «труженичество во Христе». Эта идея находит практическое выражение в таких христианских добродетелях, как послушание, смирение, молитвенность, любовь к ближним, аскетизм и т. п. Человек, «его я со всеми страстями, заблуждениями, грехами» является «первым полем», на котором совершается подвиг труженичества [Топоров, 1995, с. 683], а потому святым может быть только тот человек, который **ЖЕСТОКО ЖЕ ПОСТНОЕ ЖИТИЕ ЖИВЯШЕ; БЯХ҄У ЖЕ ДОБРОДѢТЕЛИ ЕГО СИЦЕ; АЛКАНИЕ, ЖАДАНИЕ, БДѢНИЕ, С҄ХОЯДЕНИЕ, НА ЗЕМЛИ ЛЕГАНІЕ, ЧИСТОТА ТѢЛЕСНАЯ И Д҄ШЕВНАА, УСТНАМА МЛЧАНІЕ, ПЛОТСКАГО ХОТѢНІА ИЗВѢСТНОЕ УМР҄ЩВЕНИЕ, ТРУДИ ТѢЛЕСНИИ, СМІРЕНИЕ НЕЛИЦЕМѢРНОЕ, МОЛИТВА НЕПРЕСТАЮЩІА, РАЗВ҄ЖДЕНИЕ ДОБРОРАЗВ҄ДНОЕ, ЛЮБОВЬ СОВР҄ШЕНАА, Х҄ДОСТЬ РИЗЬНАЯ, ПАМЯТЬ СМЕРТНАА, КРОТОСТЬ С ТИХОСТИЮ, СТРАХ БОЖИИ НЕПРЕСТАЮЩИИ** (Житие Сергия Радонежского, с. 318).

Святой – послушание, смирение, любовь, труд, служение, бдение, воздержаніе, постничество, молчаніе, чистота, молитвенность, бедность, страх божий.

5. **Святой – места обитания.** «Вторые поле» – это место, где святой стремится к гармонии между созерцательной и деятельной жизнью, место, которое, как правило, возникает благодаря святому, окормляется им, место, где протекает жизнь преподобного, вершится духовный подвиг, например: **СВЯТЫЙ ОТЫЦЬ НАШЪ ФЕОДОСИИ ОТХОЖАШЕ ВЪ СВЯТ҄Ю СВОЮ ПЕЩЕР҄У** (Житие Феодосия Печерского, с. 334) и др.

Святой – пещера, пустынь, монастырь, церковь, обитель, келья.

6. **Святой – мир.** «Третьим полем» духовного труженичества является мир, т. е. то, что находится за оградой монастыря, храма, например: **И БЫСТЬ ВЪДОВИЦАМЪ ЗАСТ҄ПНИКЪ И СИРИИМЪ ПОМОЩНИКЪ И УБОГИМЪ ЗАСТ҄ПНИКЪ И, СПРОСТА РЕЩИ, ВСЯ ПРИХОДЯЩАЯ, УЧА И УТѢШАЯ, ОТП҄ЩАШЕ, УБОГИМЪ ЖЕ ПОДАВАЯ, СЖЕ НА ПОТРЕБ҄У И НА ПИЩ҄У ТѢМ** (Там же, с. 384).

Святой – вдовы, обиженные, судьи, князья, бояре; святой – заступник, помощник, исповедник.

7. **Святой – испытания.** В житиях святые претерпевают множество испытаний, мучений, поскольку «каждый последователь Христа оставлен в мире на страдание», каждое «безвинное и добровольное принятие страдания на земле совершается во имя Христово» [Федотов, 2001, с. 101]. Чаще всего древнерусским святым приходится преодолевать «козни темных сил», например: **ѢГДА БЛАЖЕННЫЙ ВЪ ХИЖЕ СВОЕЙ ВОЕНОЩНЮ СВОЮ ЄДИНЪ БЕСПРЕСТАНИ ТВОРЯШЕ МОЛИТВУ, ВНЕЗАПУ БЫТЬ ШУМЪ, И КЛОПОТ, И МЯТЕЖ МНОГЪ, И СМУЩЕНИЕ, И СТРАХ, НЕ ВЪ СНѢ, ПО НА ЯВѢ. И СЕ БѢСИ МНОЗИ ПАКЫ НАИДОША НА БЛАЖЕННАГО СТАДОМ БЕСЧИННО** (Житие Сергия Радонежского, с. 308). Серьезным испытанием для Феодосия является тираническая любовь его матери: **ОТЪ ЯРОСТИ ЖЕ И ГНѢВА МАТИ ЕГО ИМѢШИ Й ЗА ВЛАСЫ, И ПОВРЪЖЕ Й НА ЗЕМЛИ, И СВОИМА НОГАМА ПЪХАШЕТИ Й, И СТРАННЫЯ ЖЕ МНОГО КОРИВЪШИ, ВЪВРАТИСЯ ВЪ ДОМЪ СВОЙ, ЯКО НѢКОЕГО ЗЪЛОДѢЯ ВЕДУЩИ СЪВЯЗАНА. ТОЛЬМИ ЖЕ ГНѢВЪМЪ ОДРЪЖИМА, ЯКО И ВЪ ДОМЪ ЄЙ ПРИШЪДЪШИ, Й, ДОНДЕЖЕ ИЗНЕМОЖЕ** (Житие Феодосия Печерского, с. 310). Сцены побоев встречаются и в «Житии Авраамия Смоленского».

Святой – бесы, сатана, видения; избияния, насмешки.

8. **Святой – умерщвление плоти.** В первых житиях отмечается суровая форма аскетизма – умерщвление плоти, поскольку крепкое тело по средневековым представлениям нуждалось в укрощении. Отсюда эпизод с веригами, опоясывающими тело подвижника: **ПО СИХ ЖЕ БОЖЪСТВЕННЫЙ ФЕОДОСИЙ ШЕДЪ КЪ ЄДИНОМУ ОТ КУЗНЦЪ, ПОВЕЛѢ СМУ ЖЕЛѢЗО СЪЧЕПИТО СЪКОВАТИ, ИЖЕ И ВЪЗЪМЪ И ПРЕПОЯСАЕЯ ИМЪ ВЪ ЧРЕСЛА СВОЯ, И ТАКО ХОЖАШЕ. ЖЕЛѢЗУ ЖЕ УЗЪКУ СУЩЮ И ГРЫЗУЩЮСЯ ВЪ ТѢЛО ЕГО, ОНЪ ЖЕ ПРЕБЫВАШЕ ЯКО НИЧЕМОЖЕ СКРЪБНА ОТ НЕГО ПРИЕМАЯ ТѢЛУ СВОЕМУ** (Там же, с. 314). Русским святым присуще стремление не к самоистязанию, а только к истощению плоти, например: **СУХОЯДЕНИЕ... ПЛОТСКАГО ХОТѢННА ИЗВѢСТНОЕ УМРЪЩВЕНИЕ** (Житие Сергия Радонежского, с. 318).

Святой – вериги, сухой хлеб, сухоядение, постничество, сон на земле, умерщвление плоти.

9. **Святой – ученики.** Подвиг преподобных – это монашеский подвиг, отмеченный Божиими дарами, пользуясь которыми подвижник ведет к спасению духовных чад: **СИЦЕВА ТИ БѢ ЛЮБЫ БЛАЖЕННАГО, И СИЦЕВО МИЛОСЪРДИЕ КЪ УЧЕНИКОМЪ СВОИМЪ ИМЯШЕ, ДАБЫ НИ ЄДИНЪ ОТ СТАДА ЕГО ОТЛУЧИЛЪСЯ, НЪ ВЪСЯ ВЪКУПѢ, ЯКО ПАСТУХЪ ДОБРЫЙ, ПАКЫ ПАСЯШЕ, УЧА И УТѢШАЯ И СЛОВЕСЫ УВѢЩАВАЯ ДУША ИХЪ, КЪРЪМЛЯШЕ И НАПАЯЯ НЕ ПРЕСТАЯШЕ. ТѢМЪЖЕ И МЪНОГЫ НА БОЖИЙ РАЗУМЪ НАВОДЯШЕ И КЪ НЕВЕСЪННОМУ ЦАРСТВІЮ НАПРАВЛЯШЕ** (Житие Феодосия Печерского, с. 360).

Святой – ученики, братия, паства, стадо, иноки; пастух, пастырь, наставник, начальник, игумен, глава; поучение; учить, утешать, увещевать, спасать, направлять (к Богу), кормить, поить (душу).

10. **Святой – чудеса.** В текстах значительное место отводится описанию чудес, которые являлись доказательством святости «земных» людей и рассматривались в качестве основного условия их канонизации. В «Житии Сергия Радонежского» говорится о чуде, произошедшем с ним до рождения: **И ВНЕГДА ХОТЯХУ НАЧАТИ ЧЕСТИ СЪВЯТОЕ ЄВАНГЕЛИЕ, ЛЮДЕМ МЛЪЧАЩИМ, ТОГДА АБИЕ ВНЕЗАПУ МЛАДЕНЕЦЪ НАЧЯТ ВЪПИТИ ВЪ УТРОБѢ МАТЕРНѢ** (Житие Сергия Радонежского, с. 264). Крик, который приводит родителей и мирян, находящихся в храме, в изумление и недоумение, повторяется еще дважды. Троекратный утробный вопль младенца во время литургии является свидетельством посвящения Пресвятой Богородице. Однако большинство чудес, описываемых агиографами, приходится на период иноческой жизни святых, так называемые «игу-

менские чудеса» (определение Г. П. Федотова). Отметим, что нами не обнаружены стереотипные ситуации в описании чудес, т. е. в данном случае выстраиваются далекие тематические связи между сценами, например: «**ГОСПОДИНЕ МИХАЙЛО, БЫЛЪ ЕСИ МНѢ ПОМОЩНИКЪ ПРИ ЖИВОТИ, НЫНѢ О МНѢ ГРѢШНЕМЪ БОГУ ПОМОЛИСЯ! И ЯВИСЯ К҃ПЦ҃У МИХАЙЛА В ТОЙ ЧАСѢ НА МОРѢ, А ДРЪЖИ КОРАБЛЬ ЗА НОС И НЕВИДИМ БЫСТЬ. И БЫСТЬ ТИШИНА ВЕЛИЯ. ИЗБАВЛШУСЯ КОРАБЛЮ ОТ ПОТОПА** (Повесть о житии Михаила Клопского, 1982, с. 346). В подобных контекстах чудо представлено как факт и, следовательно, может рассматриваться как когнитивная единица. В преподобнических житиях значимыми, повторяющимися являются следующие тематические связи: *святой – чудо (предсказание скорой кончины или несчастья, исцеление больных, избавление от гибели, наполнение монастырских закров, строительство храма, общение с горными силами)*.

Повествовательный фрейм позволяет выстроить структуру святожизнеописания, т. е. смоделировать сценарий. В этом отношении продуктивной является работа со скриптом, представляющим собой «один из типов структур сознания», где «привычные ситуации» описываются как смена событий [Камалова, 1998, с. 172]. Важная роль отводится повествовательным скриптам, так как «они включают детальное описание событий, ситуаций, намерений, и могут быть весьма информативны для исследования функциональных особенностей и установления ассоциативных связей предикатов; благодаря данному фрейму могут быть выявлены структуры фоновых знаний» [Камалова, 1998, с. 128].

В работе в качестве текста-скрипта избирается святожизнеописание Феодосия Печерского, которое содержит почти все элементы, установленные каноном агиографии. Выстраивая фрейм, мы опираемся на 73 контекста, в которых говорится о жизненном и духовном пути Феодосия Печерского, и исключаем фрагменты, содержащие авторские размышления, отступления, цитаты из других текстов. Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров: (1) **ВЪ ТОМЪ БѢСТА РОДИТЕЛЯ СВАТАГО ВЪ ВѢРѢ КРѢСТИАНЬСТѢЙ ЖИВУЩА И ВСЯЧЬСКИМЪ БЛАГОЧѢСТИЮМЪ УКРШЕНА**; (2) **РОДИСТА ЖЕ БЛАЖЕНАГО ДѢТИЩА СЕГО, ТАЧЕ ВЪ ОСМЫЙ ДНЬ ПРИНЕСОСТА Й КЪ СВАТИТЕЛЮ БОЖИЮ, ЯКОЖЕ ОБЫЧАЙ ЕСТЬ КРѢСТИАНОМЪ, ДА ИМЯ ДѢТИЩЮ НАРЕКУТЬ**; (3) **ТАЧЕ ЖЕ, ЯКО И МИНУША 40 ДННИЙ ДѢТЯЩЮ, КРЩЕНИЕМЪ ТОГО ОСВАТИША**; (4) **ОТРОЧА ЖЕ РОСТАШЕ, КЪРМИМЪ РОДИТЕЛЕМА СВОИМА, И БЛАГОДАТЬ БОЖИЯ СЪ НИМЪ, И ДУХЪ СВАТЫЙ ИЗМЛАДА ВЪСѢЛИСЯ ВЪ НЪ** и др. (Житие Феодосия Печерского, с. 306). Анализ 73 контекстов позволяет выстроить структуру повествовательного фрейма, которая включает следующие компоненты.

I. Рождение в благочестивой семье.

II. Имянаречение.

III. Освящение святым крещением.

IV. Детство (отмеченность Богом; любовь к Богу, церковное прилежание, пренебрежение детскими играми, внешнее смирение, изучение божественных книг).

V. Юность («социальное самоуничужение», побег в Святую Землю, испытания, смирение, церковное прилежание, самоистязание, встреча с духовным наставником, пострижение).

VI. Иноческое подвижничество (труд, бдения, пост, смирение, благонравие и др.).

VII. Получение священного сана (игуменство, общение с миром, организация монастырского быта, наставничество, испытания, молитвенность, чудеса и др.).

VIII. Преставление.

IX. Посмертные чудеса.

Отметим, что сценарные шаги, обозначенные римскими цифрами, характеризуют Феодосия Печерского как «внешнего человека». Остальные сценарные шаги

соотносятся с «внутренним человеком» и «именуют» условия, необходимые для уподобления Христу в земной жизни.

Таким образом, обращение к методике анализа фреймов и к когнитивному анализу при исследовании житий святых преподобных позволяет ответить на ряд вопросов и смоделировать четыре фрейма: поверхностно-синтаксический (о чем мы говорим?), поверхностно-семантический (какие имена существительные характеризует прилагательное *святой*?), Кто может быть святым? что мы знаем о святом (лице?), тематический (что говорится о святом в житиях?), повествовательный (как агиограф говорит о святых?).

На уровне первого и второго фреймов выявляется когнитивное ядро феномена «святость», представленное в агиографических памятниках двумя моделями. В первой модели адъектив *святой* характеризует Всевышнего, Богородицу, ангельские чины, святых Божиих, церковные обряды и таинства, религиозные праздники и пр. Во второй модели *святой* именует святых Божиих, а глаголы ритуального действия, перцептивного восприятия, речи и др. называют их деяния.

На уровне третьего фрейма устанавливаются отношения между сценами, объединяемыми темой «святой», определяются сценарные связи, характерные для житий преподобных, а именно: «святой – благочестивые родители», «святой – духовный подвиг», «святой – горний мир», «святой – испытания» и под.

Вопрос повествовательного фрейма помогает выяснить, как пишут о святых агиографы XI–XVII вв. Основой изложения служит житийный канон, который проявляется на уровне композиции и структуры текста. Анализируемые свято-жизнеописания включают общие стереотипные ситуации, однако тексты имеют и отличительные особенности, которые зависят от мышления древнего книжника, его толкования отдельных фактов, способа изложения.

Полагаем, что представленные в статье наблюдения позволяют заключить, что при изучении древне- и старорусских агиографических текстов лингвисты могут использовать как традиционные методы, так и оригинальные приемы и методики.

Список литературы

- Абрамова И. Ю.* Структурно-семантическая и синтаксическая организация агиографических текстов стиля «плетение словес» (на материале житий XIV–XV вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004.
- Аихарава А. Т.* Концепт дитя в русской языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2002.
- Батурина Т. М.* Семантика и функции глаголов в житии Александра Невского: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
- Булгаков С. Н.* Православие. М., 2001.
- Вагнер Г. К.* Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987.
- Камалова А. А.* Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. Архангельск, 1998.
- Климова С. Н.* Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. СПб., 2004.
- Колесов В. В.* Русь: наследие в слове. Кн. 1: Мир человека. СПб., 2000.
- Кубрякова Е. С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кусков В. В.* История древнерусской литературы. М., 1998.
- Пономаренко Т. О.* Языковые особенности Жития Нифонта 1222 г.: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
- Сабиров В. Ш.* Любовь как откровение личности – божественной и человеческой // Человек. 2004. № 1. С. 7–85.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре: В 2 т. М., 1995. Т. 1.

Тупиков В. А. Особенности цитирования Священного Писания в оригинальных произведениях русской агиографии (на материале произведений Епифания Премудрого): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

Федотов Г. П. Русская религиозность. Ч. I: Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. // Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 2001. Т. 10.

Флоренский П. А. Христианство и культура. М., 2001.

Шабес В. Я. Событие и текст. М., 1989.

Список источников

Житие Епифания // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 310–336.

Житие Исаяи – Житие и жизнь святого отца нашего Исаяи епископа Ростовского чудотворца // Библиотека литературы Древней Руси. XVI век. СПб., 2003. Т. XII. С. 304–391.

Житие Авраамия Смоленского – Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия, просветившегося во многом терпении, нового чудотворца среди святых города Смоленска // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981. С. 68–105.

Житие Сергия Радонежского – Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия Чудотворца. Написано Премудрейшим Епифанием // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV в. М., 1981. С. 304–391.

Житие Феодосия Печерского – Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // Памятники литературы Древней Руси (начало русской литературы. X – начало XII в.). М., 1978. С. 256–429.

Повесть о житии Михаила Клопского // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XV в. М., 1982. С. 334–349.

S. A. Smirnova

Linguistic aspect of studying hagiographical texts

In the paper sanctity is regarded as a semantic space and as a phenomenon of Russian culture. The author analyzes the hagiographic texts of the XI – XVII centuries, describing the lives and the spiritual path of Russian venerable saints. The research is based on the method of the situational semantic and framing analysis by A. Kamalova.

The «surface-syntactic» and «surface-semantic» levels of the frame permit to determine the kernel of analyzed area according to two models. The first model presumes that attribute ‘saint’ is characterizing nouns nominating the God, the Virgin, the angels, the saints of God, the ecclesiastical ceremonies, books, religious fetes, etc.

In the second model the ‘saint’ replaces the subject position and determines the saints of God; the verbs signify the meaning of sacral actions, discourse, perception, etc. The «thematic» level characterizes the periphery of semantic area and defines the scenic connections exemplary for the lives of saints, namely: the saint – devotional parents, the saint – moral exploit, the saint – probations, and so on. The «narrative» frame level lines up the moral path screenplay of the saint.

Keywords: word, saint, saintship, hagiography (lives of saints), frame, methods.

DOI 10.17223/18137083/53/17